

Игорь Лужецкий

СМЕРТЬ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сражения с бесами,
многоглазые ангелы
и пляски мертвецов

МИО

МИФ Культура

Игорь Лужецкий

**Смерть в Средневековье.
Сражения с бесами, многоглазые
ангелы и пляски мертвецов**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 94(4)«375/1492»
ББК 63.3(0)4

Лужецкий И.

Смерть в Средневековье. Сражения с бесами, многоглазые ангелы и пляски мертвецов / И. Лужецкий — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250750-4

Смерть в Средневековье – вовсе не конец, а испытание, которое стоило пройти с достоинством. Из этой книги вы узнаете, что такое «искусство умирать», зачем спасать душу и как кладбища стали центрами городской жизни. Это захватывающее путешествие в мир, где люди научились смотреть смерти в глаза и видеть продолжение жизни.

УДК 94(4)«375/1492»

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-00-250750-4

© Лужецкий И., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Предисловие и благодарности. Каждый умирает сам	7
Глава 1. Кто умирает	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Лужецкий Смерть в Средневековье. Сражения с бесами, многоглазые ангелы и пляски мертвецов

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Лужецкий И., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Предисловие и благодарности. Каждый умирает сам

Идея этой книги появилась благодаря загадке, и нет, речь не о вечной загадке смерти, которая стоит перед каждым человеком. Я сейчас говорю как историк, а не как философ. И загадка, которую я имею в виду, заключается в следующем.

Культура Европы, изучением которой я занимаюсь всю жизнь, – культура христианская. Христианская настолько, что даже если попытаться скальпелем все христианское из нее удалить, оставленная рана, по словам политолога Святослава Каспэ, будет крестообразной. Ядро и суть благой вести, которую несет эта культура, – победа над смертью. Об этом краеугольные тексты и весь Новый Завет. И вся предыстория, изложенная в Завете Ветхом, – об этом же.

И здесь начинается то интересное, что и подвигло меня к этому труду: молчание Библии о смерти и посмертии. Античные мифы Эллады, Рима и Шумера много и подробно говорят о смерти, проводниках в загробный мир, топографии Рая и Ада, богах-повелителях, которые ждут человека на той стороне. Египетская культура, как вам прекрасно известно, делает на теме смерти и посмертия сильнейший акцент. Можно даже сказать, что там вся жизнь подчинена тому, как правильно умереть и правильно похоронить тело.

А вот Библия – молчит. Нет имени ангела смерти, нет четкого и понятного описания посмертной участи. И ее молчание, как мне кажется, можно истолковать как призыв к самостоятельному исследованию и размышлению.

Поясню на примере. Когда Господь создал Адама и поселил его в раю, он не рассказал ему, как зовут всех животных и как называются все растения, – он поручил это самому Адаму. Назвать, то есть изучить, чтобы иметь возможность дать имя.

И лагуна, которую мы видим в Библии на месте смерти, породила великолепную европейскую традицию осмысления смерти, ее изучения и поиска ответа на вопрос, что все-таки ждет человека. Это мертвое поле, к которому нет карты, породило так много мысли и жизни, как мало что еще. Здесь мы найдем художников, богословов, философов, писателей, композиторов, культурологов, архитекторов и урбанистов, великих и посредственных, знаменитых и безымянных, и каждый из них работал над этой темой в меру своего дарования.

Цель этой книги состоит в том, чтобы рассказать читателю об этой работе. Что люди думали о смерти, как выражали свои чаяния на вечность, как хоронили мертвых, чего боялись и какие сказки рассказывали. Как они персонифицировали смерть и как ее образ менялся на протяжении истории. Географически мы ограничим себя Европой, понимаемой достаточно широко: от Америки до России. Можно сказать и иначе: мы ограничим себя северной частью христианского мира. Хронологически же мы постараемся проследить развитие темы смерти от поздней Античности до недавней современности. Это позволит нам взглянуть на вопрос наиболее общим взглядом, однако мы не сможем удовлетворить свое любопытство к изучению

мелких деталей. Увы, но есть только два способа написания исторического сочинения: писать обзорную работу или писать работу, посвященную частным вопросам. Я избрал первый путь.

И вот дорожная карта этого пути.

Мы пойдем от феномена смерти, как он представлен в Писании и как о нем говорят Отцы Церкви и последующие философы: что это вообще такое, какова ее природа и как к этому можно относиться. И, пройдя по склепам, кладбищам и картинным галереям, мы закончим феноменом некромантии.

Этот труд построен как цикл бесед о феномене смерти. Цикл университетских бесед. Помните, как в студенческие годы мы заходили (или, если вы еще студент, все еще заходите) на кафедру и там с коллегами и преподавателями могли засидеться за интересующей вас темой допоздна. И уйти окрыленным, с желанием самостоятельно продолжить изучать то, о чем говорили несколько часов.

Vanitas

Герман Хенстенбург, XVII–XVIII вв. The Metropolitan Museum of Art

Я вовсе не имею намерения навязываться вам в преподаватели – ни в коем случае. Но надеюсь, что каждая глава этого труда позволит вам начать собственное интеллектуальное движение в сторону избранной темы. Или, если такое движение уже начато, она будет репликой в диалоге, ответом на ваш вопрос или новым вопросом, который вы перед собой поставите.

Да, я бы желал, чтобы тема смерти и умирания стала для вас торжеством жизни, ибо пока мы мыслим и верим – мы живы. Пока мы беспокоим других вопросами – мы живы, потому что держим живыми других.

Теперь я бы хотел сказать несколько слов благодарности.

Я весьма благодарен факультету и тем учителям, которые работали со мной в студенческие годы. Они научили меня задавать вопросы и упорно искать ответ. Особенно хочу отметить отца Валерия Солдатова и отца Максима Попова.

За своевременные и исчерпывающие консультации, связанные с вопросами медицины, я выражаю благодарность доктору Кириллу Газенкампу.

Неоценимый вклад внес и Павел Шилин – превосходный гебраист. Без его помощи я бы не смог разобраться с терминами на иврите и арамейском.

И конечно же, вы. Я благодарен вам за то, что вы взяли эту книгу в руки. Если она вас заинтересовала, значит, я не работал впустую.

Глава 1. Кто умирает

Так как мы не можем разобраться с понятием смерти напрямую – сказать, что она есть и что ждет человека после того, как покров земного чувства снят, – то придется поступить иначе. Мы поговорим о том, что с этим феноменом связано: кто умирает, как это происходит, кто с точки зрения изучаемой культуры присутствует по обе стороны. Не сумев понять явление изнутри, взятое само по себе, мы попытаемся понять его через родственные явления.

Итак, кто умирает? Точнее, так: что именно умирает, когда кто-то умирает? На эту тему рассуждает Амвросий Медиоланский в своих трудах «О благе смерти» и «Об Исааке», и его мысли важны нам по нескольким причинам. Начнем с того, что это, пожалуй, один из самых ранних и развернутых ответов на наш вопрос, данный невероятно авторитетным для всей последующей европейской традиции богословом и философом.

Святой Амвросий, живший в Италии в IV веке, – один из великих учителей Церкви. Он был классически образованным интеллектуалом поздней Античности, то есть был изощрен и в философии, и в искусствах. Что касается первой, то он осчастливил нас не только упомянутыми выше трудами, но и изрядным числом полемических трактатов, направленных против еретиков-ариан и гностиков, а также прекрасными проповедями для новокрещеных. А что до второго, то и Восток, и Запад до сих пор поют прекрасный гимн «Тебя Бога хвалим» (*Te Deum laudamus*), написанный миланским епископом. И кроме того, как будто этого мало, он прославлен своим учеником – великим Аврелием Августином (обычно его называют Блаженным), тем самым, который написал «Исповедь» и «О граде Божьем».

Святой Амвросий

Джованни ди Паоло, 1465–1470 гг. The Metropolitan Museum of Art

Как человек, получивший превосходное образование (то есть знающий и Платона, и Аристотеля), святой Амвросий пишет о двусоставности человека, о том, что тот состоит из души и тела – классическое для эпохи начало. Но вот дальше Амвросий становится невероятно оптимистичен.

Он пишет, что смерть можно считать злом в том случае, если она вредит душе. Если она душе не вредит, то ничего страшного в ней нет. Не зря же писал апостол, что смерть для него – освобождение. И подкрепляет Амвросий свою мысль молитвой Симеона Богоприимца.

Праведный Симеон упоминается в Евангелии от Луки. История его такова: жил в Иерусалиме Симеон – муж великой учености и не менее великой праведности. Был он священником и служил в Храме. И было ему обетование, что он не умрет, пока не увидит Мессию, Царя

Израилева. И когда Дева Мария и праведный Иосиф принесли Младенца в Храм, Симеону открылось, что это не просто младенец, но – Тот самый. И тогда он сказал:

«Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля».

К слову, текст этой молитвы очень часто можно увидеть на могильных плитах священников. Это связано с тем, что, снимая в конце службы литургическое облачение, священник произносит именно эти слова, а конец земной жизни тут трактуется именно как конец очень длинной службы.

Итак, смерть, по мнению Праведного Симеона, – благо, она освобождение. Освобождение из темницы тела, что очень антично и очень по Платону. Но она благо не только поэтому. Она хороша потому, что Симеон праведен. И здесь интересный момент: праведник уже умер для греха, то есть смерти нечего брать, и она не заберет человека с собой, ибо он ей не принадлежит.

И тут я предлагаю остановиться на минуту, чтобы мы могли подробнее разобрать мысль Амвросия, которая разделяется и всей христианской традицией. Смерть – не момент конца биологического существования, смерть – не существование за гробом. Смерть – такое состояние, в котором человек может пребывать и здесь, и там. Равно как и жизнь. Смерть – статика греховной закольцованности бытия, когда движение не является развитием, то есть движением в подлинном смысле этого слова. Амвросий и другие авторы называют это смертью души. И страшна именно такая смерть. Страшна она и здесь, и там, но там – страшнее, так как не будет возможности измениться.

По мысли Амвросия, нужно уже здесь, во время земной жизни, умереть для греха, чтобы иметь жизнь вечную. И теперь встает еще два вопроса: что именно будет жить вечно, какая именно часть нас, ведь очевидно, что тело истлеет? И что такое тот самый грех, для которого нужно быть мертвым?

Ответ на первый вопрос интуитивно понятен: жить после конца земного бытия будет душа. Но что это такое? Отвечая, мы должны будем открыть и упомянутый выше труд святого Амвросия, и еще несколько книг, которые помогут нам пролить свет на интересующий нас предмет.

И начнем мы очень издалека. От времен Гомера и Гесиода. Почему? Потому что Амвросий – человек греко-римской культуры. И его христианство легло на ее базу. По этой причине нам предельно важно понимать, что греки мыслили под душой.

Начинается все очень красиво. Душа – Психея, да-да, та самая вечная возлюбленная Эроса. Мы с вами часто видели их союз, изображенный на классических полотнах, высеченный из мрамора и отлитый в бронзе. Он – прекрасен как бог (а он и есть бог), она – невероятно легка и воздушна, и все пасторально и идиллически настолько, насколько это вообще возможно. Но этот сюжет совсем не прост и, смею полагать, привлекал художников не только красотой юных тел.

Эрос – бог с крайне непроясненной биографией. Каждый, кто излагал миф о нем, отмечал в графе «родители» разное. Акусилаи писал, что его родили Эреб (Мрак) и Никта (Ночная Тьма). А были те, кто называл Эреба его родным братом, а вовсе не отцом. Сапфо же полагала, что его родила Афродита от Урана. Симонид с ней соглашался, но лишь наполовину: в отцы Эроса он записывал Ареса. И это далеко не все версии: в орфической традиции считалось, что Эрос родился из яйца, которое сотворил Хронос. Но мне ближе всего изложение Гесиода. Он полагал, что Эроса вообще никто никогда не рождал, а сам Эрос, наравне с Тартаром, Хаосом и Геей, – одна из четырех космогонических сил. То есть наш мир рожден при его непосредственной помощи. Этот вариант мифа мне нравится по той причине, что боги и титаны именно

рождают этот мир, а не делают его руками и не приказывают ему явиться и быть. А раз они рождают, значит, должен быть некто, кто их на то подвиг.

Купидон и Психея

Антонио Канова, 1794. The Metropolitan Museum of Art

Стоит иметь в виду, что все описанное выше – не точные философские или богословские дефиниции, а прозрения мистиков и поэтов, мысли на грани немыслимости.

Итак, Эрос влюбляется в Психею, крадет ее, селит в своем восхитительном дворце, но остается для нее незримым. И все у них замечательно и обоюдно, кроме одного: она не видит своего возлюбленного. И Психея, одолеваемая любопытством, однажды идет рассмотреть своего спящего похитителя. Берет свечу и крадется к его ложу. И случайно капает на него горячим маслом, пролившимся из светильника, чем причиняет Эросу нешуточные страдания, которые мучают его еще достаточно долго.

И вот это важный, на мой взгляд, момент. Есть душа, а в ней – силы, чтобы задеть самого Эроса. Ей удается, пусть и случайно, причинить боль тому, кто сам бог и даже (по Гесиоду) больше чем просто бог. Это приводит нас к красивой мысли, что душа есть нечто сильное, хоть и не осознающее своей мощи или не умеющее ею пользоваться. Красиво и другое: душа не

видит предмета своего стремления. И третье, не менее красивое: в конце концов наши влюбленные вступят в законный брак, и смертная Психея станет бессмертной, что очень важно для нашей истории.

Теперь перейдем к Гомеру. Он считал, что душа не существует до момента смерти, до ее отделения от тела. Именно в смерти проявляется бессмертная душа. То единственное в человеке, что не умирает. Хотя тут спорно, так как не умирает, по Гомеру, еще и разум, но неясно, можно ли считать его частью души или он самостоятелен.

В книге современного норвежского философа Оле Мартина Хейстада «История души» эта мысль развивается интереснейшим образом. Хейстад замечает, что душа нужна не только для смерти, то есть фигурирует не только в момент умирания, но и в любой момент разделения души и тела. Этими моментами он называет моменты религиозного экстаза, пророческого откровения или сложного морального выбора. А нам важно отметить, что в рамках эллинистической культуры все вышеперечисленное обозначается одним словом – кризис. Слово это имеет еще одно значение: суд. Можно сказать, резюмируя мысль Хейстада, что душа не проявляется вне точки кризиса, вне точки суда.

Итак, отметим первый важный момент: душа есть нечто, что проявляется в кризисе.

Второй вехой в понимании души будет личность Одиссея в произведениях Гомера. Как мы помним, царь Итаки отправится под стены Трои, откуда будет возвращаться домой долгие годы. И его возвращение можно трактовать как историю странствий души. Например, так поступает прекраснейший знаток темы, писатель, богослов и церковный иерарх кардинал Джанфранко Равази. И это странствие, это возвращение он трактует как «образумливание», опираясь на то, что слова *postos* («возвращение») и *poos* («разум») в греческом языке имеют один и тот же корень.

И он рисует пред нашим мысленным взором следующую картину: Одиссей, возвращаясь на родную Итаку, претерпевает череду кризисов, в которых проявляется его, Одиссея, душа. Он может натворить глупостей, поддавшись своим страстям, и тогда погибнет. Но может проявить самообладание, удержать воздушную и легкую душу от первого порыва и тем ее образумить.

Здесь мы видим и отмечаем второй важный момент: душу нужно сберечь, а для этого постоянно образумливать ее, удерживая от порывов страсти. Заметим и то, что речь еще не идет о христианском спасении души, но о сохранении ее.

Чтобы понять, что именно в душе необходимо сохранить, нам нужно оставить Гомера и уделить внимание Гераклиту. Этот философ считал, что Психе – душа – принадлежит Эфиру и божественному огню. Она глубока, и ее границы столь трудно отыскать, что можно считать ее безграничной. Изначально душа рождается из воды, она влажна, холодна и глупа. Но голос разума и божественный Логос зажигают ее, и она становится сухой и горячей, такой, какой ей и должно быть.

Именно этот божественный огонь, столь ярко возгорающийся в моменты кризисов для эллинов, важно удержать и сохранить, так как он имеет божественную природу. И по этой причине он нуждается в особой заботе и разумном с собой обращении.

И, опираясь на представления Гераклита, мы можем сказать, что душа есть некая драгоценность. Драгоценность, требующая времени. А раз она такова, то ее нужно суметь проявить и сберечь. И в этом вопросе эллины были подлинными гениями.

Первым и самым ярким текстом, повествующим о душе и заботе о ней, можно назвать «Первый Алкивиад» – первый диалог Сократа со своим учеником Алкивиадом. Уже одному этому тексту можно посвятить книгу, которая будет лежать на стыке психологии, педагогики, философии и религии, – полидисциплинарный шедевр. Увы, не он сегодня предмет нашего интереса. Могу лишь адресовать вас к трудам Владимира Соловьева и Мишеля Фуко, которые уделили ему должное внимание.

Если говорить коротко, то Сократ, используя метод майевтики (метод спора, где вопросы задаются таким образом, что собеседник сам приходит к искомому ответу), приводит юного ученика к мысли о том, что подлинная забота о себе – не забота об имуществе или о теле, а забота именно о душе, которая выражается в кризисном повелении Аполлона, гласящем: «Познай себя». И в этом кризисе проявляется душа – и как результат познания, и как предмет заботы.

Требование познать себя, к которому человек отнесся серьезно, порождает нешуточную внутреннюю работу и такое же сопротивление. Как сопротивление самого человека (ведь ему в целом неплохо жилось), так и сопротивление людей вокруг, которые обязательно не поймут. Ибо, по Гераклиту, у большинства людей мокрые души, которые не слышат слов оракула в Дельфах, того самого, что призывает заботиться о себе. И люди эти впадают в ярость, когда слышат голос Логоса. И что с этим делать? Платон полагает, что подлинная забота о себе, о своей душе, – исключительно элитарная практика. Она для тех, кто может себе позволить общаться лишь с такими же людьми, предаваясь атлетике тела и аскезе духа. Демокрит избирает одиночество, говоря, что и один для него тысяча, если он наилучший. Свое слово здесь скажут и стремившиеся пробудить всех киники, бывшие бичом античных нравов, и стоики, и эпикурейцы.

Но некоего единого и сильного ответа не предложит ни одна из философских школ.

И в эту интеллектуальную картину эпохи, которую мы обрисовали очень крупными мазками, входит христианство. Да, Гомеру, Гесиоду и Платону стоило бы посвятить тома, но мы успокоим свою совесть тем, что люди лучшие, чем мы, уже это сделали. Наша же задача – описать то представление о душе, которое могло сформироваться у святого Амвросия благодаря его классическому образованию. И на какую почву легли его христианские представления.

У нас могут спросить, почему мы не остановились лишь на представлениях поздней Античности и не сказали больше о Платоне и Аристотеле, а разворачивали свое повествование от Гомера. Дело в особенностях образования той далекой эпохи: не было одного правильного и неоспоримого ответа на вопрос из учебника. Как и самого учебника. Были поэтические произведения разных авторов и трактаты различных философов, с которыми человек знакомился, пока получал образование.

Итак, христианство. Христианская традиция еще со времен Ветхого Завета утверждает единство человека во всей его полноте, то есть и души, и тела, и духа, и сердца. В первой главе Книги Бытия мы читаем: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину создал их». Обратим внимание, что здесь нет отдельного описания сотворения тела и отдельного описания вдыхания души, которые есть у эллинов. Человек создан цельно. И это важно, так как это серьезно отличает библейскую концепцию от того, что нам поведали афиняне.

Сотворение Адама

Мастер Жана де Мандевилья, ок. 1360–1370 гг. The J. Paul Getty Museum, Los Angeles, Ms. 1, v1 (84.MA.40.1), fol. 6v

Но хоть человек и создан цельно и все в нем хорошо, иудеи видели в нем разные части. Интересующая нас душа обозначена разными словами. Она и nefesh – душа в совокупности всех ее проявлений, и ruah – дух. Но давайте рассмотрим эти слова немного подробнее.

Nefesh, по меткому замечанию Хейстада, – само дыхание жизни, так как это слово означает и горло, и гортань – места сосредоточения дыхания и артерий. Места очень важные и очень хрупкие, они вместилище голоса как способности заявить о себе, своих мыслях и желаниях. Желание и вожеление – еще два значения слова nefesh.

Очень важно для миропонимания древнего иудея осознать семантическую близость горла и души. Великий Давид в пятнадцатом псалме пишет: «Возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой, даже и плоть моя успокоилась в уповании». Сразу две важные вещи мы видим здесь: единение языка и сердца для описания души. Это первое. А второе то, что душе вторит плоть. Она не темница души и не противопоставлена ей, как это делает Платон, но созвучна голосу сердца. Этот стих – не единственное у Давида свидетельство указанного единства. В сто первом псалме он пишет о высохших костях своих и иссушенном сердце, а в сто втором он с восторгом поэта восклицает о радости души и всего состава своего.

Ruah – слово очень по смыслу близкое. Оно означает ветер, дух, то, что вдыхает в человека жизнь и животворит его. То, что с голосом и словами выносит сокровенное человека навстречу другим людям. И то, что выносит nefesh человека после смерти, возвращая ее Богу Живому, источнику всякого дыхания и всякой жизни.

Разница между nefesh (душой) и ruah (духом) довольно трудноуловима, но я бы описал ее так: душа есть голос человека. Голос в том смысле, в каком мы говорим о руке человека, его стиле и слоге, разумея под всем этим его неповторимость и оригинальность. Согласно хри-

стианскому и иудейскому пониманию Писания, всякий человек создан как Адам: всякий адам (человек) есть Адам (первый человек). То есть каждый человек – единственный в своем роде. Каждый имеет право сказать, что для него создан этот мир. Каждый имеет свой голос. К слову, именно по этой причине Библия так строго относится к убийству: всякий убийца убивает единственного человека, то есть все человечество. Я делаю особый акцент на этом по той причине, что для античного мира это очень нехарактерная мысль: в греко-римской ойкумене есть люди и есть герои, отличные от других тем, что в их венах течет кровь богов, и потому у них всё совсем не как у остальных. Но традиция Писания поднимает до уровня героя всех, даруя право уникального голоса и уникальной жизни каждой душе. И эта уникальность актуализируется посредством *uah* – духа, исходящего от Источника всякой жизни.

А вот теперь, с вашего позволения, я свяжу греко-римскую Античность и ее представления о душе с идеей, заложенной в Писании. В первой строке Евангелия от Иоанна сказано: «В начале было Слово». Слово по-гречески Λόγος – тот самый Логос, а на латинском *Verbum*. Прошу простить за эту сложность, но интеллектуалы той далекой эпохи мыслили часто именно на трех классических языках, и нам важно понимать оттенки смысла ключевых терминов.

Итак, тот самый греческий Логос в латинском варианте приобретает еще и силу движения, так как *verbum* – не просто слово, а движение, ибо глагол. Так что в начале было не статичное божественное Слово, но движущееся и двигающее Слово, очень созвучное еврейскому *uah*.

И вот здесь, в этой точке, с трех сторон сойдется единство понимания того, что душа и жизнь есть движение. А смерть, соответственно, некая статика.

И теперь, когда мы немного разобрались со словами, можно перейти к Амвросию Медиоланскому.

Умереть, не умирая

Святой Амвросий, будучи и философом, и христианином (а в его эпоху это были скорее антонимы), поставил перед собой очень непростую задачу: объяснить новоначальным христианам, что такое душа и почему не нужно бояться смерти. Да, сказано, что Христос ее победил, но как людям, которые крестились или только готовились принять крещение, стать соучастниками этой победы? Можно просто верить, но лучше иметь некое объяснение. К тому же для той эпохи такое объяснение было просто необходимо.

Дело в том, что первые христиане были преимущественно горожанами. И далеко не все они были рабами, вольноотпущенниками и прочими представителями социальных низов. Среди них встречалось много людей образованных и высокопоставленных. Достаточно посмотреть Мартиролог Иеронима, чтобы увидеть там изрядное количество представителей элиты. Да можно и не открывая мартирологов вспомнить некоторые имена. Сразу на память приходят Иустин Философ – интеллектуал, автор многих трактатов как против ересей, так и в защиту христианства; Георгий Победоносец – офицер преторианской гвардии и военачальник; чиновник Клавдий Трибун; врач Пантелеимон; мученица Екатерина Александрийская, известная своим прекрасным образованием; и масса других, примеры можно множить.

Все эти люди, ни разу не чуждые книжной культуры своего времени, привыкли к тому, что особо важные этические и аксиологические вопросы разрешаются в виде философского сочинения, написанного тем или иным авторитетом. Обычно оно выглядело как трактат, разбитый на короткие главки, или как диалог, где некий ученик вопрошал учителя, а тот отвечал. Диалог мог быть литературной обработкой реальной беседы, которую начерно записали по памяти, а потом изложили должным образом для всех заинтересованных, а мог быть вымышлен от начала до конца. Самые известные произведения этого жанра, безусловно, сократовские диалоги Платона.

Смерть Сократа

Жак Луи Давид, 1787. The Metropolitan Museum of Art

Но нас сейчас интересуют не эти диалоги, хотя они, безусловно, достойны прочтения. Пользуясь случаем, особенно рекомендую уделить внимание «Первому Алкивиаду» и «Апологии Сократа» как текстам, имеющим прямое отношение к теме души. Мы же обратимся к трактату святого Амвросия «О благе смерти». Вообще, назвать так книгу во времена Античности – значит обладать чернейшим чувством юмора или быть провокатором. И в любом случае поднять себя на смех, ведь смерть по определению не может быть благой. Посмертие – это мир теней и скорби. Даже если вы жили праведно и не заслужили каких-то особых мук. Эллина, к примеру, полагали, что даже те, кто попал на благодатные луга, должны были испытать из Леты – реки забвения, чтобы нахождение на этих лугах не свело с ума примерно через месяц. Выпил из речки – и пожалуйста, каждый день – новоселье и пикник на природе.

Но епископ Милана пишет о благе смерти пятьдесят семь глав, пишет для аудитории, для которой одно только название должно было быть шокирующим. Но он преподносит все в классической античной манере, демонстрируя миру, что он не сумасшедший, но человек с прекрасным образованием, которому есть что сказать почтенной публике.

Святой Амвросий начинает с того, что делит смерть на три вида: разлучение души с телом, следствие греха и смерть для греха. Первому виду он особо не уделяет внимания, говоря, что такая смерть сама по себе не так уж и страшна. Освобождает от уз плоти она всех, но радость дает немногим. И нужно приложить определенные усилия, чтобы она была радостной. Страшно умереть в грехе, то есть подвергнуть себя смерти второго типа. И совсем хорошо умереть для греха: тогда та смерть, которая разлучит душу с телом, будет освобождением, а не тяжким испытанием.

И вообще, такую смерть можно описать словами, с которыми праведный Симеон Богоприимец обратился к Господу. Напомню эту историю. Итак, жил в Иерусалиме праведный муж по имени Симеон. Это был человек великой учености и, по преданию, одним из семидесяти двух мудрецов, которым царь Птолемей II поручил перевести Священное Писание на грече-

ский язык. Мы знаем этот перевод под названием Септуагинта, то есть перевод семидесяти толковников. После убийства Захарии, отца Иоанна Крестителя, Симеон стал священником того единственного Ветхозаветного Храма.

И ему было возвещено Духом Святым, что он не умрет, пока не увидит Машаха (Христа) – царя-избавителя, обещанного Богом своему народу. И Симеон начал ждать. И ждал он очень долго – не один десяток лет, а так как человеком он уже был немолодым, то успел превратиться в ветхого днями старца. Еще до обетования он успел принять участие в переводе Писания, то есть был далеко не юношей. И вот в один из дней к нему приходит супружеская чета с тем самым Младенцем, в котором он, взяв Ребенка на руки, и узнает Мессию. И обращается к Господу с последней молитвой:

Симеон Богоприимец. Сретение Господне в храме

Жан Бурдишон, 1498–1499. The J. Paul Getty Museum, Los Angeles, Ms. 79b (2004.66), verso

«Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля».

И именно об этой молитве Симеона и говорит Амвросий своим читателям: жить нужно так, чтобы весть о своей кончине встретить, как труженик встречает весть об окончании хорошо сделанной работы – спокойно, с радостью и надеждой.

А еще он пишет, что та самая смерть в грехе возможна еще при жизни человека, если он привяжется к страстям. По этой причине умереть для греха нужно еще при жизни. Иллюстрируя свою мысль, святой Амвросий цитирует книгу пророка Исая: «...разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо». Амвросий пишет (и его парадокс прекрасен), что смерть в грехе – это не то, что освобождает, а то, что не дает двигаться, привязывает душу к телу и, шире, к тленной и временной части мира.

И это не столько христианская мысль, сколько переработанная христианством античная, платоновская мысль. Мысль, понятная его аудитории. Суть ее в том, что душа в плену у тела и тело, взятое само по себе, плохо. И это – Платон. А Амвросий пишет, что тело само по себе не плохо, но благодаря ему к душе может прилипнуть разное: излишние деньги, любовь к роскошной одежде, блуд, опять же, и чревоугодие. Это все пороки души, но цепляются они именно за тело. И когда душа через тело облеплена страстями, как пиявками, наступает смерть. При этом по всем внешним признакам человек может быть живее всех живых.

Мысль о том, что душа бессмертна, развивает и Августин Аврелий, епископ Гиппоны, прозванный Блаженным, – известнейший из учеников Амвросия. Известность его такова, что даже затмевает славу своего великого учителя. А затмить Амвросия – не каждому дано.

Я не буду утомлять вас пересказом биографии Августина, а перейду сразу к его аргументам о бессмертии души, которые он изложил в одноименном трактате.

Епископ Гиппоны писал, что если есть знание, то оно существует всегда – опять очень платоновская мысль. Знание, существующее всегда, может существовать лишь в том, что живо и вечно. В мире дивинном оно существует у Бога, а здесь оно существует в разуме человека. А разум или и есть душа, или является ее частью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.